

DOI 10.31250/2618-8619-2024-3(25)-16-27

УДК 069

Елена Геннадьевна Чеснокова

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-9815-3042

E-mail: chesnokova.eg33@gmail.com

Модус экспоната в вернакулярном музее: производство нового статуса вещи*

АННОТАЦИЯ. В статье представлен анализ процесса возникновения экспоната в контексте вернакулярного музея. Специфика этого типа музеев связана с тем, что его деятельность определяется не профессиональными методами музейной работы, а индивидуальными ценностями и представлениями о задачах и формах, наиболее подходящих для их решения. Важную роль в превращении конкретного предмета в экспонат такого музея играет способность вещи установить связь с человеком через эмоциональный отклик, спровоцировать в нем воспоминания и проживание ощущений из прошлого. Условием для этого служит напряжение, вызванное одновременным ощущением «близости» и «дистанции» в отношении к вещи. Следующим шагом в процессе «превращения» предметов в экспонаты становится субъективная оценка владельцем их эффективности в таком качестве и его стремление находить новые подобные вещи. Растущее собрание вещей постепенно вступает в конфликт с окружающим пространством повседневности. Разрешением этого конфликта становится выделение специального помещения, которое начинает определяться как музей. Приобретая музейную форму, коллекция получает часть присущего этому институту социального капитала, а вещи, ставшие экспонатами, наделяются общественной ценностью. При этом в вернакулярном музее они прежде всего реализуют свой эвокативный потенциал через ассоциированность с личными историями, лишь во вторую очередь выступая свидетельствами общественных и культурных процессов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вернакулярный музей, эвокативный предмет, экспонат, музей советского быта, исследования материальности

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чеснокова Е. Г. Модус экспоната в вернакулярном музее: производство нового статуса вещи. *Кунсткамера*. 2024. 3(25): 16–27. doi 10.31250/2618-8619-2024-3(25)-16-27

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда № 23-28-00250, <https://rscf.ru/project/23-28-00250/>.

Elena Chesnokova

Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-9815-3042
E-mail: chesnokova.eg33@gmail.com

The Mode of a Museum Artifact in a Vernacular Museum: the Production of a New Status of a Thing

ABSTRACT. The article provides an analysis of the process of creating an exhibit within the context of a vernacular museum. This type of museum differs from traditional museums in that its operations are guided not by professional museum practices, but rather by individual values and ideas about the most appropriate methods and forms for achieving its objectives. An important factor in transforming an object into a museum artifact for such a museum is the ability of the object to evoke an emotional response from person, triggering memories and sensations from the past. This is achieved through the tension caused by the simultaneous feeling of “proximity” and “distance” in relation to the thing. The next step in the process of “turning” objects into museum artifacts is the owner’s subjective assessment of their effectiveness in this role and their desire to acquire more such objects. The growing collection of items gradually comes into conflict with the everyday life surrounding. To resolve this conflict, a special place is allocated, which begins to function as a museum. Through acquiring a museum form, the collection gains some of the social capital intrinsic to this institution, and the items that become museum artifacts acquire social significance. At the vernacular museum, items primarily realize their evocative potential through their association with personal histories, and secondarily, as evidence of social and cultural processes.

KEYWORDS: vernacular museum, evocative object, museum artifact, Museum of Soviet Life, materiality research

FOR CITATION: Chesnokova E. The Mode of a Museum Artifact in a Vernacular Museum: the Production of a New Status of a Thing. *Kunstkamera*. 2024. 3(25): 16–27. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2024-3(25)-16-27

К числу вернакулярных музеев можно отнести некоторые музеи советского быта, которые являются хорошим примером того, как трансформируется повседневная вещь, попадая в ансамбль музейной экспозиции. Приходя в такой музей, посетитель встречает вещи, которые, вероятно, все еще хранятся в доме его бабушек, родителей или даже в его собственном. Более того, эти вещи могут не просто лежать в шкафу, но и активно использоваться в повседневной жизни. Однако в музее они наделены почетным статусом экспоната или музейного предмета (в статье эти понятия используются как синонимы), что требует от человека иного отношения к хорошо знакомой вещи. Контекст такой встречи, вернакулярный музей, проблематичен сам по себе, так как формальные границы этого понятия трудноуловимы из-за многообразия конкретных форм этой группы музеев и постоянной трансформации каждого из них. Его целесообразно использовать как инструмент, своего рода матрицу, позволяющую сфокусировать внимание на определенных чертах (Слепцова, Чеснокова 2023). Такой тип музея определяется через его процессуальность и гибридность, способность сочетать и адаптировать локальное с глобальным или личное с институциональным благодаря своему творческому компоненту. Кроме того, важную роль играет противопоставление официальным общественным институтам, что предполагает такие свойства, как неформальность, независимость и нерегламентированность. Функционирование вернакулярного музея прочно связано с его основателем, в определенном смысле такой музей «живет» вместе с ним: коллекции, организация экспозиции, содержание — все это определяется индивидуальным видением организатора музея, а не принятыми институциональными стандартами. Это не отменяет некоторую степень сходства и стереотипности таких учреждений, поскольку внутренние представления и ценности, на которые опираются организаторы музеев, формируются в результате опыта, общего для большой группы людей. Использование основателями понятия *музей* и внешнее сходство с официальным институтом передает месту часть присущего этому институту социального капитала и позволяет владельцу музея и его гостям определить визит в это пространство как посещение музейной экспозиции, а представленные предметы — как экспонаты.

Процесс «превращения» бытовых вещей в объекты экспонирования в контексте вернакулярных музеев имеет свои особенности. С одной стороны, перед нами узнаваемая в обществе форма, которая предполагает наличие определенных компонентов, в том числе экспонатов. С другой стороны, мы свободны от необходимости учитывать связанные с этой формой профессиональные и институциональные требования, поскольку внутренние процессы в таком музее непосредственно ими не регулируются. Упоминание модуса экспоната в заглавии выступает здесь как указатель, который направляет наше внимание в сторону способа существования вещи, а не ее формы. Следовательно, рассматривая путь вещи от «бытового предмета» к «музейному предмету», мы ставим перед собой задачу увидеть эпизоды, которые будут если не определять, то существенно влиять на «жизнь» вещи в новом статусе. В статье за основу взят один из сценариев формирования вернакулярного музея, наиболее характерный для данного типа, — когда он создается на основе уже сложившегося набора вещей. Решение этой задачи строится в логике материальной семиотики, которая предлагает концептуализацию объектов как совокупность их связей. За счет этих связей они воплощаются и функционируют (Соколовский 2016). Исследование базируется на сведениях о небольших музеях, некоторые из которых располагаются на «частной» территории — в доме или на приусадебном участке. При подготовке статьи использовались материалы полевых исследований 2017–2024 годов (интервью и наблюдения), а также синхронные данные из открытых источников (СМИ, соцсети), связанные с деятельностью таких музеев.

В музееведении под музейным предметом подразумевается «движимый объект, изъятый из первоначальной среды в связи с его подлинностью (аутентичностью) и способностью характеризовать специфические особенности той среды и той эпохи, во взаимосвязи с которой он находился в естественных условиях» (Шляхтина 2009: 12). Свойство, которое придает конкретной вещи музейную ценность, заключается в ее способности документировать прошлое, выступать как

свидетельство реальности, частью которой она была. Это вписывается в коммуникативную рамку, в контексте которой музееведение рассматривает экспозицию в целом (Юренева 2004: 325–328; Шустрова 2014: 58). Такая рамка определяет компоненты экспозиции — стороны коммуникации, содержание, форму и т. д. Соответственно музейная экспозиция должна иметь свой язык, а составляющие ее предметы выполняют функцию знаков и служат передатчиками информации. В рассматриваемых музеях советского быта формируются иные отношения между вещами, прошлым и человеком. Важную роль в превращении конкретного предмета в экспонат такого музея играет способность этого предмета установить связь с человеком через эмоциональный отклик, спровоцировать в нем воспоминания и проживание ощущений.

СОБИРАНИЕ ВЕЩЕЙ

Деятельность вернакулярного музея, как и любого другого, можно условно разделить на собирательскую и экспозиционную. В случае вернакулярного музея коллекция вещей, которая с течением времени составит экспозицию, может начать складываться до появления у его организатора какой-либо идеи, связанной с ее созданием. К этому моменту такие предметы повседневности утрачивают те функции, которыми обладали первоначально, что в целом характерно для музейных предметов. Г. Люббе очень выразительно назвал их «утратившими функциональность реликтами цивилизации» (2019: 66). Можно предположить, что большее число вещей, подобных тем, что мы встречаем в музеях советской повседневности, такими «реликтами» не стали, а были погребены в горах мусора и полностью утрачены. Игрушки, предметы обихода, устаревшая техника, некоторое время хранившиеся в гаражах, шкафах и кладовках, переживали там свой переходный период, будучи уже отстраненными от своего прошлого статуса, но еще не получившими нового. Для того чтобы вновь стать деятельными, им требовалось приобрести новую ценность, уже не утилитарную, как раньше. Переключение повседневной вещи в музейный модус, предполагающий ценность передачи знаний о прошлом, представляется одной из самых очевидных стратегий такого переопределения. Чтобы такое переключение случилось, кто-то должен был увидеть предмет в таком ракурсе.

В рассказах организаторов вернакулярных музеев о начальном этапе создания музея часто присутствует эпизод о встрече с вещами, которые и положили начало коллекции. Хозяин музея «Сельский дворик» в д. Крутово Владимирской области Дмитрий Тимошенко привез вещи из деревенского дома, который когда-то принадлежал его свекрови. Первоначальной целью было простое сохранение вещей, которые к тому моменту уже давно не использовались и могли пропасть, оставшись без хозяина (ПМА 2022). Основатели Музея советского детства в г. Сергиевом Посаде Семен и Олеся Жильцовы также за основу своей коллекции взяли вещи, хранившиеся в их семье: «Первый раз мысль о музее посетила нас пять лет назад, когда мы нашли детские игрушки на антресоли в доме родителей» (Музей советского детства 2019: 40). О том же говорят и организаторы музея «Локомотив истории» в пгт. Большие Вязёмы Московской области: «...по наполнению музея. У нас это было достаточно просто, потому что очень многие экспонаты были в наших семьях, и чтобы их не выбрасывать и дать вторую жизнь, о них рассказать, мы решили их выставить» (ПМ СИС 2023). Фактически собирание предметов началось даже раньше, чем они попали в руки тех, кто создал на их основе музей. В этом процессе невозможно провести четкую границу. Безусловно, сложенные в одном месте детские игрушки или кухонная утварь ни по каким признакам невозможно причислить к музейной коллекции, они таковой и не являются. Но они уже отобраны и собраны, что задает рамки и потенциал того импульса, который запустит дальнейшую деятельность, ведущую к созданию музея.

Если обнаруженные вещи вызывают эмпатический отклик у человека и приобретают таким образом ценность в его глазах, этот момент становится началом длительной связи с конкретным собранием предметов и запускает дальнейший поиск других вещей, способных спровоцировать

подобные ощущения. Так описывает начало истории своего музея основательница Музея СССР в г. Рязани:

Однажды, когда мы были на рыбалке, я нашла маленький автомобиль ЗИЛ и принесла своим мужчинам. Сын, ему тогда было 16 лет, вдруг загорелся желанием собирать такие машинки. Я сначала была в недоумении, где мы их возьмем?.. Потом узнали про барахолки, магазины антиквариата и прочие ресурсы, где приобретали новые и новые модели на радость сыну. <...> Со временем страсть к коллекционированию охватила и меня, я начала собирать кукол. Загорелась мечтой найти свою детскую куклу — Ксюшку! Постепенно коллекция расширялась, я опрашивала знакомых и друзей, публиковала посты в соцсетях о том, что собираю вещи советских времен. <...> Для того чтобы хранить все, что мне несли (а несли постоянно, и дома уже негде было складировать), мне пришлось оформить интерьер на даче под советский стиль (Собранный из частичек души 2022: 72).

Сам процесс поиска и собирания коллекции на определенном этапе становится значимым даже без определенной цели. Так описывает этот период О. Жильцова: «Он (супруг) отправлялся на рынки как на рыбалку, и радости не было границ. Если удавалось принести домой богатый улов: то педального коня принесет, то металлический ЗИЛ, а иногда и мне подарок сделает — куклу Варю или неваляшку Машу» (Музей советского детства 2019: 40). На этих примерах мы видим, как происходят изменения в отношениях между вещами и людьми, когда владелец вещей устанавливает аффективную связь с ними.

Необходимо отметить, что этому предшествует отделение вещи от ее «прошлой жизни» длительным временным периодом, когда она находилась на периферии внимания человека или вовсе вне его, то есть прежде чем вещь была найдена и приобрела новое значение, она была утеряна в своем прошлом. Этот разрыв присутствует даже тогда, когда сам владелец вещей, который использовал их по первоначальному назначению, позднее придает им ценность, позволяющую стать экспонатами. Архитектор из г. Владимира В. Пичугин создал небольшой музей на своей даче и, отвечая на вопрос о том, на что опирался, когда собирал вещи, сказал: «Я их не собирал! Я в них жил! Я ничего специально не собирал» (ПИМА 2023). Однако, судя по его рассказам об отдельных предметах, можно сделать вывод, что почти все они некоторое время не использовались и хранились отдельно, даже если оставались при этом на виду. Длительное неиспользование вещей словно счищает с них слой прежних функциональных требований, тогда становится очевидным, что те связи, которые поддерживали их «работу» раньше, теперь разрушены. Немецкий философ Б. Фальденфельс назвал этот процесс расповседневиванием:

Привычное становится таковым в результате многократного повторения, а некогда обязательные элементы повседневности в силу их постепенного забвения утрачивают связь с обыденной жизнью. <...> Что-то становится привычным, обыденным, а что-то, наоборот, начинает восприниматься как выход за границы повседневного существования (цит. по: Капкан 2016).

Несмотря на это, вещи сохраняют следы прежних связей, и именно это качество позволяет им начать функционировать как свидетельство о прошлом, именно в нем заложен эвокативный потенциал. На значимость одновременного ощущения «близости» и «дистанции» в отношении к вещи обратил внимание П. С. Куприянов, говоря об условиях, обеспечивающих ностальгический эффект (Куприянов 2023). Идет ли речь о ностальгии или о проживании другого чувства, именно это напряжение, вызванное противоположными ощущениями, порождает аффективную связь с вещами.

Эту связь очень сложно объяснить и описать, судя по словам владельцев таких вещей, их ценность как будто самоочевидна:

Мы *просто* [курсив автора. — Примеч. ред.] [хотим] — сохранить родительскую память. Вот так вот. Цель у нас такая. Вот эти лапти у нас на повети висели на чердаке в нашем доме, я еще

маленький был. Они вот стоят здесь теперь. Вот этими [керосиновыми] лампами мы пользовались — свету-то не было электрического, а потом мы купили вот такую лампу побольше, сейчас только стекла нет, абажур такой! Так светло в доме было... Вот эту собаку [статуэтку. — *Примеч. автора*] мама тоже откуда-то с пленума привезла. Ухо откололи, но это о маме память. <...> А вот, папа пастухом был, вот этот приемничек папе подарили — он в рабочем состоянии (ПМ СИС 2017).

При этом нельзя сказать, что вещи всегда имеют непосредственную связь с их владельцем или его близкими родственниками. Отношение к ряду предметов может основываться на чувстве принадлежности к группе, и тогда ее прошлое начинает восприниматься как личное. Так, организатор музея «Быт страны Советов» в г. Самаре стремился собрать как можно больше вещей местного производства:

Я вообще хотел сделать музей, собирать вещи, которые делались у нас в Куйбышеве. У нас производственный очень мощный город, у нас делалось все практически. <...> Мебель делали, игрушки делали несколько заводов, и самолеты, и машины выпускали, посуду — все практически делали, зажигалки. Я все время пытался найти какие-то вещи, именно которые сделаны в Куйбышеве. Но это очень сложно, потому что сейчас многие не знают, что именно эта вещь изготавливалась у нас в Самаре, ну, в Куйбышеве. <...> Делали зажигалку на заводе, в котором сейчас находится развлекательный клуб... Другой завод — ЗИМ, который выпускал, тоже военный, там остался только один корпус, там сделали торговый центр... То есть был завод — нет завода. Все вот эти вещи, которые он делал в советское время, вот в музее было бы самое то сказать: «Это делали мы! Завод ЗИМ, которого сейчас нету». Это же уже история (ПМ МИА 2020).

Опора на личные ассоциации и воспоминания продолжает определять стратегию собирания вещей не только при создании вернакулярного музея, но и позднее, когда вещи попадают в уже функционирующую экспозицию. Приведем цитату из интервью с владельцем музея «Сельский дворик»:

Вот эта машинка была куплена с аукциона, по-моему, из Воронежа, только потому что у меня была такая. И вот эти вот наклейки на нее клеил. Вот эта вот — мне дядя подарил [такую же] машинку на день рождения, она не прожила даже пяти минут, я ее на кирпич поставил и другим прихлопнул, потому что там куча различных шестеренок. Они мне очень нужны были. Теперь вот она у меня есть целая. Ну вот такую вот машину мне подарил отец, когда мне было, наверное, года четыре или пять. Он приехал на лошади в санях как Дед Мороз, со Снегурочкой — с моей воспитательницей, и подарил мне такую машину. Но прожила она у меня ну до лета, наверное, у меня ее украли (ПМА 2022).

Таким образом, мы видим, что отбор вещей в вернакулярном музее происходит не на основе научных классификаций или принятой в обществе идеологии. Опорой в этом процессе служит субъективная оценка владельцем коллекции значимости собранных предметов и их эффективности в качестве стимулов для воспоминаний прежде всего для него самого, поскольку индивидуальная позиция организатора является определяющей для всей работы вернакулярного музея. В данном контексте такие вещи должны обладать не абстрактной общественной ценностью (Шляхтина 2009: 14–15), а быть свидетелями личного опыта и связанных с ним переживаний (Соколовский 2023).

Процесс собирания вещей в вернакулярном музее не прекращается, и со временем круг участников этого процесса становится шире. Происходящее с коллекцией предметов выглядит так, словно они притягивают друг друга. Чем больше людей узнает о существовании музея советской повседневности, где хранятся предметы обихода того времени, тем больше тех, кто желает внести свой вклад в коллекцию. Организаторы музеев рано или поздно начинают принимать разные вещи, которые приносят как их близкие, так и незнакомые люди. Можно предположить, что такие дарители в определенный момент также столкнулись с необходимостью переопределить значение

своих старых вещей. Но, в отличие от организаторов музеев, оказались не готовы ни выбросить их, бесповоротно устранив из своей жизни, ни вписать в актуальную обстановку, что требовало бы отдельных усилий. Существующий вернакулярный музей предоставляет возможность делегировать сохранение личной истории «специалисту», а сам музей начинает восприниматься как общедоступное хранилище личной памяти. Организатор музея СССР в г. Рязани С. Макова считает, что семейные вещи должны оставаться в семье, но отмечает, что многие предпочитают принести их в ее музей:

Я не могу назвать свое детище музеем в классическом его понимании. Коллекция безусловно упорядочена. Причем я постоянно веду учет подаренных вещей: кто при каких обстоятельствах подарил, записываю историю каждой вещи. Люди продолжают приносить какие-то вещи, мы это упорядочиваем, и получается народный музей (Собранный из частичек души 2022: 69).

Итак, когда однажды обнаруженные вещи начинают восприниматься как представители прошлого и приобретают тем самым ценность в глазах их владельцев, начинается поиск все новых предметов, обладающих этим качеством, постепенно накапливается все больше и больше вещей, что неизбежно приводит к конфликту складывающегося собрания с окружающей обстановкой. Проблематичность присутствия артефактов прошлого в обыденной жизни связана с тем, что они не вписываются в повседневную рутину, занимая место, предназначенное для решения текущих задач. Предметы быта из прошлого, извлеченные из прежних «хранилищ», теперь наделенные новым значением, уже не могут вернуться обратно. Многие основатели вернакулярных музеев сталкивались с этой дилеммой: «Так мы и жили 4 года, обрастая все больше и больше любимыми игрушками и предметами ушедшей эпохи, пока не поняли, что вещей стало больше, чем свободных квадратных метров в квартире» (Музей советского детства 2019: 40). Такие эпизоды не менее характерны для рассказов о создании музея, чем сюжеты о том, как появились первые вещи, вызвавшие интерес. В качестве примера можно привести фрагмент рассказа о возникновении музея «Локомотив истории»:

Места [в квартире] нам было мало, нас там много, какие-то наши вещи памятные от бабушек, от дедушек, ну, трудно с ними расстаться. А тут три года назад я, мама и еще наш сын — мы поехали в круиз по Волге. И вот эти вот города, которые стоят на Волге — один, другой, третий, — мы заходили вот в такие маленькие камерные музеи разной тематики. Тогда первая мысль пришла, нам хочется как-то немножко разгрузиться, и вот пришла мысль: а почему бы в Москве или в Подмоскowie не сделать такой же небольшой музей, чтобы эту красоту еще и другие видели, и в то же время чтобы мы освободились... Тут был комплекс для семьи: первое — мы разгружаемся, второе — вот это храним не просто в сарае, а мы это показываем людям (ПМ СИС 2023).

В этом примере мы видим и момент принятия решения о придании своему собранию формата музея. «Разгрузиться» позволяет перемещение вещей, связанных с прошлым, в специально выделенное для них пространство, где и будет располагаться музей. Но иногда вещи именно захватывают одно из повседневных мест. Так, музей на даче В. Пичугина возник в помещении бильярдной, но сейчас, как точно сказал об этом хозяин, «музей задавил бильярд. И играть там практически невозможно» (ПМА 2023). Бильярдный стол, накрытый покрывалом, по-прежнему стоит в центре помещения. Но находясь в окружении разнообразных вещей из прошлого — плакатов, инструментов и техники, атрибут современного досуга сам теперь может показаться чем-то лишним и мешающим.

Определение собрания вещей как «музей» в целом легитимизирует видение мира организатора музея и выбранный им способ создания знания, а также формирует определенные ожидания у посетителей (Klimaszewski 2018: 125–126). Последнее является не менее важным фактором. Музей представляет собой устоявшийся топос в современном обществе, что позволяет владельцу музея и его гостям определить посещение такого пространства схожим образом, распределить

роли и сделать прогнозируемым поведение друг друга, несмотря на его обустройство и месторасположение. То есть обращение к общеизвестной форме представления прошлого упорядочивает коммуникацию автора экспозиции и его аудитории, несмотря на сопутствующие непрофессиональному подходу «отклонения» от принятых в музейном деле стандартов. Музейная «рамка» позволяет защитить собрание старых вещей от статуса «ненужного хлама», превратив его в репрезентацию советского периода и источник знаний о нем.

НОВЫЙ СТАТУС ВЕЩЕЙ

Итак, собрание вещей получает свое место, которое определяется как музей, а вещи, его составляющие, становятся экспонатами. Когда вещь используется в быту, она позволяет нам выполнить некоторые действия, для которых она, собственно, и предназначена. Когда же она попадает в музей, она вызывает у нас воспоминания об этих действиях, об их контексте и прочие ассоциации с той деятельностью, где эта вещь применялась. Логика музееведения предполагает, что в процессе изучения и научного описания предмета специалистами в музее «реконструируется его отношение со средой бытования, определяется и фиксируется в музейной документации его общественное значение, благодаря чему предмет выступает как материальное свидетельство явлений в природе, культуре и обществе» (Шляхтина 2009: 12). Основатели вернакулярных музеев, связанные со своим собранием вещей аффективным отношением, стремятся поделиться своим ощущением с аудиторией; их задача заключается не в том, чтобы отразить какие-то факты истории и передать знание, а вызвать эмоции. С каждой вещью в музее, как правило, связаны личные воспоминания его основателя. Они ценны для владельца именно личными ассоциациями. Любительский характер вернакулярных музеев проблематизирует некоторые привычные научные категории, такие как аутентичность и достоверность складывающегося образа. Даже в официальном государственном музее их понимание не столь очевидно и является скорее результатом компромиссов и конвенции вовлеченных участников (Куприянов 2016). Нередко степень соответствия историческим реалиям уступает по ценности эмоциям, которые должна вызывать экспозиция.

Ценность вещи, заключающаяся теперь не в выполнении своих утилитарных функций, а в способности вызывать воспоминания и чувства, становится актуальной не только для ее владельца, но и для других людей, которые встречаются с ней в контексте музея и участвуют в пополнении коллекции. Чем больше музей обретает свои очертания, тем большее значение приобретают такие свойства вещей, которые позволяют заинтересовать новую аудиторию, — их типичность, узнаваемость и внешняя привлекательность. Задача вещей, что бы ни декларировали создатели музеев, не в исторической достоверности, а в ощущении и воспоминании прошлого. Посещение музеев советского быта часто характеризуется ощущением «особой атмосферы», «атмосферы детства». П. С. Куприянов и М. Л. Лурье обращают внимание на два значимых свойства понятия атмосферы — материальная природа и сверхматериальные эффекты (Куприянов, Лурье 2022). Для достижения такого эффекта требуется совместная работа всех участников коммуникации — экскурсовода (им выступает преимущественно сам основатель музея), материальной обстановки, в частности отдельных вещей, и посетителя. Рассказ экскурсовода, возможность разглядеть предмет в деталях, часто — взять в руки, попытаться выполнить с его помощью ту задачу, для которой он предназначался, позволяет одновременно раскрыть ту информацию, содержащуюся в предмете, которая доступна для ощущения, но не для осознания: «Сколько я вспомнила того, что было позабыто, благодаря тому что Светлана нам рассказывала. [Где больше понравилось?] Вообще, не выделишь отдельно. Такая вот атмосфера, как по-манерному сейчас принято говорить “вайб”, это просто!» (ПИМА 2024).

Источниками описания вещей во многом служат истории из жизни организатора музея, дарителей и гостей. Все экспонаты обретают биографию, построенную на описании роли вещи

в жизни конкретного человека. Люди, не знакомые с тем или иным предметом, узнают не обобщенные исторические сведения о нем, а знакомятся с описанием жизненных ситуаций, через которые можно связать историю вещи со своим личным опытом.

Для нас важна больше информация не из книжки, которая написана по поручению или проплатой кого-нибудь, а нам важны именно воспоминания человека, которых меньше становится с каждым годом, людей старшего поколения, которые могли бы что-то рассказать. Именно то, что с ним происходило. И из них складывается вот эта общая атмосфера, общая информация в наших рассказах, в том числе. Что-то наши родители нам рассказали, что-то друзья рассказали, что-то вот посетители нам рассказывают — и из этого... (ПМ СИС 2023).

Опора на источник в виде личных историй других людей накладывает большие ограничения на способ передачи этой информации. Так, основательница музея советского быта в Рязани не допускает возможности проведения экскурсии кем-то другим: «Провести экскурсию я вряд ли кому доверю, потому что рассказать о вещах, которые мне передавали из рук в руки, с которыми отдавали частичку души, — так передать их душу не сможет человек с сухим заученным текстом. Экскурсия передаст не те эмоции» (Собранный из частичек души 2022: 70).

Советские вещи, знакомые многим посетителям музеев быта того времени, могут «работать» и без сопровождающего вербального нарратива. Типичность представленных в музее вещей может восприниматься как обезличенность (Баранов 2020), но индивидуальная биография вещи может достраиваться человеком на основе своего личного опыта общения с подобным предметом. Лишенный своей уникальной биографии в вербальной форме, экспонат может приобрести таковую в глазах отдельного человека. Особенность жизненного опыта индивида определяет восприятие, истолкование и отношение к экспозиции:

Когда мы в эту комнату заходим, я делаю акцент на том, что большинство вещей стояло в комнате бабушки мужа: кровать, ковер над кроватью, картины, буфет один ее, вот это вот тоже гобеленовые были коврики над кроватью. Тут одна посетительница говорит: «Ох, я помню, это были ужасы моего детства, я, — говорит, — лежала засыпала и вечно смотрела на этот коврик». Разные такие эмоции. Вот с этого я начинаю, что тут ничего не придумано, не надумано, как оно есть, оно вот так вот было. А дальше уже конкретно делаем акцент на вещи (ПМ СИС 2023).

Здесь уместно обратиться к теории практик. Американский философ Дж. Сёрл подчеркивает, что понимание любого, даже самого элементарного высказывания всегда предполагает отсылку к общедоступному массиву знаний о природе вещей (Сёрл 2002: 166–183). Знание принятых в культуре способов деятельности и обращения с различными предметами позволяет понять контекст использования той или иной вещи (Волков 1997), и нередко она запускает воспоминания не сама по себе, а через ассоциированность с контекстом, который сопровождал какую-то ситуацию в прошлом опыте человека.

Одним из ресурсов, который легитимизирует и поддерживает авторитет вернакулярного музея, служит идея, характерная для отношения к музею вообще, — «вещи не лгут». Именно вещи, подлинники часто выступают как самые важные документы в музее (Баранов 2010: 31). Несмотря на сфокусированность на эвокативном потенциале вещей, эту особенность также стараются учитывать организаторы рассматриваемых музеев:

Даже табуретки я старался подбирать, чтобы были именно такие. Тазики, эмалированные тазы в пятидесятых-шестидесятых годах были с беленькими вкраплениями, то есть если бы я туда поставил тазик от восьмидесятого года, он просто эмалированный голубой или белый таз снаружи, а в пятидесятых годах они были с маленькими такими вкраплениями, то есть он пятнистый был. Это прям сразу кидается в глаза, кто знает, тот поймет. Поэтому если это таз пятидесятых, он именно там должен стоять (ПМ МИА Самара).

Истинность картины прошлого, которая конструируется в музее, опирается в данном случае на соответствие периода бытования отдельного предмета его расположению в части экспозиции, посвященной соответствующему периоду. С одной стороны, это звучит понятно и логично для исторической экспозиции, с другой — такую четкость хронологической атрибуции не всегда можно встретить в музеях советской повседневности.

Определение тех черт, которые важны для экспоната, — прерогатива организатора, если мы говорим о вернакулярном музее. При этом оценка человека, постороннего по отношению к музею, может оказаться противоположной. Основательница музея советского быта в Рязани С. Макова была неприятно удивлена, когда увидела отношение сотрудника городской администрации к собранным ею вещам:

И пришли ну как бы с проверкой... Вот знаете, когда человек приносит вещь, вы пришли, вы рассказали, вы отдаете вещь, вы отдаете частичку своей души. А я должна вот это выбросить? «Да он же битый, зачем он нужен?» Это так рассуждал город. Для меня это был звоночек, потому что я поняла, что, если я отдам городу вот этот музей, они просто все уничтожат, для них ценности никакой нет (ПМА 2024).

Этот пример показывает, что статус экспоната в вернакулярном музее достаточно хрупок и может быть легко оспорен. «Новая жизнь» бытовых предметов стала возможной благодаря возникшим между человеком и вещью отношениям. Эти отношения аффективны и субъективны, ими можно поделиться, к чему и стремятся организаторы вернакулярных музеев советского быта, но их невозможно передать другому в полной мере. В этом заключается критическая уязвимость как для нового статуса устаревших повседневных вещей, ставших экспонатами, так и для вернакулярного музея в целом. Если эти отношения будут разрушены, все, чему они выступали опорой, рискует разрушиться следом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, экспонат в вернакулярном музее возникает благодаря тому, что человек устанавливает крепкую аффективную связь с некоторыми вещами, использовавшимися в повседневной жизни в прошлом. Как и в любом другом музее, эти предметы уже были деконтекстуализированы и стали символом целостности, из которой их извлекли. Но в рассмотренных музеях эта целостность относится не к абстрактному обществу или культуре, а к личным историям и индивидуальному опыту. По этой причине связь собранных вещей с прошлым не ограничивается. Все предметы в музее когда-то составляли часть бытовой обстановки, предполагая совершение некоторых действий с ними. Становясь экспонатом, они капсулируют эту обстановку и связанные с ними ситуации и могут в любой момент вновь развернуть их в воспоминаниях тех, кто столкнулся с этими вещами в музее, и вызвать тем самым сильный эмоциональный отклик. Эвокативный потенциал — самое главное свойство, которое позволяет предмету включиться в новом качестве в музейную экспозицию. Переживание ощущений из прошлого в настоящем может быть спровоцировано как самой вещью, так и нарративом о ее участии в жизни другого человека. В музеях советского быта, которые обсуждались выше, человек попадает в знакомый интерьер и видит вещи в том же сочетании, к какому он когда-то привык, он может взять вещь в руки и повторить привычные движения, услышать истории со знакомыми сюжетами. Это разностороннее воздействие многократно усиливает эвокативность экспонатов. Но рамка музея не только позволяет вызвать весь этот комплекс ощущений, она напоминает об искусственности происходящего, каким бы привычным оно ни казалось, и подчеркивает тем самым дистанцию с прошлым.

Организуя свое собрание вещей как музей, определяя эти вещи как экспонаты, их владелец получает возможность включить субъективное восприятие их ценности в широко признанную рамку сохранения истории и культуры. Новый статус придает вещам потенциал артефакта, имею-

щего общественную ценность, не зависящую от отношения их владельца. Однако специфика формата вернакулярного музея предполагает приоритет его субъективной оценки значимости экспонатов, и для реализации этого потенциала потребуются установление новых связей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- ПМА 2022 — полевые материалы автора, 2022 г. Музей «Сельский дворик», д. Крутово, Владимирская обл.
 ПМА 2023 — полевые материалы автора, 2023 г. Домашний музей В. Е. Пичугина, Владимирская обл.
 ПМА 2024 — полевые материалы автора, 2024 г. Музей СССР, г. Рязань
 ПМ МИА 2020 — полевые материалы И. А. Морозова, 2020 г. Музей «Быт страны Советов», г. Самара.
 ПМ СИС 2017 — полевые материалы И. С. Слепцовой (Кызласовой), 2017 г. Домашний музей П. Н. Крылова, д. Матвеево Парфеньевского района Костромской обл.
 ПМ СИС 2023 — полевые материалы И. С. Слепцовой (Кызласовой), 2023 г. Музей СССР «Локомотив истории», пгт. Большие Вязёмы, Московская обл.
- Баранов Д. А.* Этнографический музей и «рационализация системы» // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 26–42.
- Баранов Д. А.* Обезличенные вещи: парадоксы этнографического экспоната // Антропологический форум. 2020. № 47. С. 113–136.
- Волков В. В.* О концепции практик(и) в социальных науках // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 9–23.
- Капкан М. В.* Культура повседневности: [учеб. пособие]. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016.
- Курьянов П. С.* Образ традиционной культуры в историческом музее // Этнографическое обозрение. 2016. № 6. С. 11–26.
- Курьянов П. С.* Другие миры в музее: экспонаты как эвокативные объекты // Этнографическое обозрение. 2023. № 6. С. 77–91.
- Курьянов П. С., Лурье М. Л.* «Вот этот вот дух, когда он есть, это всегда очень здорово...»: как работают культурные атмосферы и за что их любят // Шаги / Steps. 2022. Т. 8, № 4. С. 248–275.
- Люббе Г.* В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.
- Музей советского детства // Частные музеи России. 2019. № 1. С. 40–42.
- Серл Дж.* Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002.
- Слепцова (Кызласова) И. С., Чеснокова Е. Г.* Вернакулярный музей: к определению понятия // Этнографическое обозрение. 2023. № 6. С. 92–110.
- Собранный из частичек души: музей советской эпохи в Рязани // Частные музеи России. 2022. № 8. С. 68–73
- Соколовский С. В.* Материальность экологии памяти и аффекта // Этнографическое обозрение, 2023. № 6. С. 5–11.
- Шляхтина Л. М.* Основы музейного дела: теория и практика. М.: Высшая школа, 2009.
- Шустрова И. Ю.* Актуальные проблемы современной музеологии в отечественных и зарубежных исследованиях. Ярославль: ЯрГУ, 2014.
- Юренева Т. Ю.* Музееведение. М.: Академический Проект, 2004.
- Klimaszewski C.* Towards a Typology of an Emergent Museum Form // Martor. Revue d'Anthropologie du Musée du Paysan Roumain. 2018. No. 23. P. 121–140.

REFERENCES

- Baranov D. A. Etnograficheskii muzei i “ratsionalizatsiia sistemy” [Ethnographic Museum and the “Rationalization of a System”]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2010, no. 4, pp. 26–42. (In Russian)
- Baranov D. A. Obezlichennyye veshchi: paradoksy etnograficheskogo eksponata [Depersonalized Objects: Paradoxes of Ethnographic Collections]. *Antropologicheskii forum*, 2020, no. 47, pp. 13–136. (In Russian)
- Kapkan M. V. *Kul'tura povsednevnosti* [Culture of Everyday Life]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2016. (In Russian)

- Klimaszewski C. Towards a Typology of an Emergent Museum Form. *Martor. Revue d'Anthropologie du Musée du Paysan Roumain*, 2018, no. 23, pp. 121–140.
- Kupriianov P. S. Drugie miry v muzee: ekspozitsy kak evokativnye ob'ekty [Other Worlds in the Museum: Exhibits as Evocative Objects]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 6, pp. 77–91. (In Russian)
- Kupriianov P. S. Obraz traditsionnoi kul'tury v istoricheskom muzee [The Image of Traditional Culture at a Historical Museum]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2016, no. 6, pp. 11–26. (In Russian)
- Kupriianov P. S., Lurie M. L. “Vot etot vot dukh, kogda on est', eto vseгда ochen' zdorovo...”: kak rabotaiut kul'turnye atmosfery i za chto ikh liubiat [“This Spirit, When You Feel It, It Is Always Very Cool...”: How Cultural Atmospheres Work and Why Do We Like Them]. *Shagi / Steps*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 248–275. (In Russian)
- Lübbe G. *V nogu so vremenem. Sokrashchennoe prebyvanie v nastoiashchem* [Keeping Up with the Times. A Shortened Stay in the Present]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russian)
- Muzei sovetskogo detstva [Museum of Soviet Childhood]. *Private museums*, 2019, no. 1, pp. 40–42. (In Russian)
- Searle J. R. *Otkryvaia soznanie zanovo* [A Re-Discovery of the Mind]. Moscow: Ideia-Press Publ., 2002. (In Russian)
- Shliakhtina L. M. *Osnovy muzeinogo dela: teoriia i praktika* [Fundamentals of Museum Work: Theory and Practice]. Moscow: Vysshaia shkola Publ., 2009. (In Russian)
- Shustrova I. Yu. *Aktual'nye problemy sovremennoi muzeologii v otechestvennykh i zarubezhnykh issledovaniakh* [Current Problems of Modern Museology in Domestic and Foreign Research]. Iaroslavl': Iaroslavskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2014. (In Russian)
- Sleptsova (Kyzlasova) I. S., Chesnokova E. G. Vernakuliarnyi muzei: k opredeleniiu poniatii [Vernacular Museum: Toward the Definition of the Concept]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 6, pp. 92–110. (In Russian)
- Sobrannyi iz chastichek dushi: muzei sovetskoi epokhi v Riazani [Assembled from Pieces of the Soul: a Museum of the Soviet Era in Ryazan]. *Chastnye muzei Rossii*, 2022, no. 8, pp. 68–73. (In Russian)
- Sokolovskii S. V. Material'nost' ekologii pamiati i affekta [The Materiality of the Ecology of Memory and Affect]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 6, pp. 5–11. (In Russian)
- Volkov V. V. O kontseptsii praktik(i) v sotsial'nykh naukakh [On the Concept of Practice(s) in Social Sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 1997, no. 6, pp. 9–23. (In Russian)
- Yureneva T. Yu. *Muzeevedenie* [Museum Studies]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 2004. (In Russian)

Submitted: 19.05.2024

Accepted: 14.07.2024

Published: 10.10.2024